

НАУКА УРАЛА

ОКТАБРЬ 1994 г. № 17 (622)

Газета Уральского отделения Российской Академии наук

50 лет
Институту экологии
растений и животных

— Стр. 5-7



Б.П.КОЛЕСНИКОВ
ХРАНИТЕЛЬ
ТРАДИЦИИ
ОПТИМИЗМА

— Стр. 4

50 лет Институту экологии растений и животных



Увы, фанатическое благорасположение Бориса Павловича к миру растений отнюдь не всегда пользовалось абсолютной взаимностью. Известны случаи, когда во время войны, выполняя государственное задание по изысканию растительных пищевых, технических и лекарственных ресурсов дальневосточной тайги и испытывая многие «деликатесы» на себе, Борис Павлович в конце концов попадал буквально в реанимацию. Но зато его имен-

нынешним летом состоялось совместное заседание Ученых советов Института экологии растений и животных и Института леса УрО РАН, посвященное памяти одного из организаторов упомянутых институтов, члена-корреспондента АН СССР, профессора Б.П. Колесникова (1909-1980).

Состав участников заседания намного превосходил обычный, вполне объективно отражая роль Бориса Павловича в становлении современной биологической науки и отнюдь не только на Урале: здесь были представители Уральского государственного университета, Уральского лесотехнической академии, Управления лесного хозяйства, а также ряда других учреждений. Младшие коллеги и ближайшие ученики Бориса Павловича — С.А. Мамаев, Е.П. Смолоногов, В.П. Фирсова, С.В. Комов, Е.М. Фильрозе, В.И. Мавковский, Ю.И. Новоженков, С.Н. Санников, Ю.Ф. Марин, Г.И. Шаргунов, Р.С. Зубарева и др. — неформально и с большой теплотой напомнили аудитории о славном жизненном пути выдающегося ученого и благороднейшего человека. Отдавая должное всему сказанному, я позволю себе все-таки остановиться главным образом на собственных впечатлениях от общения с ним лишь в последние 15 лет его жизни.

Однажды, во время изнурительного лесоводственно-геоботанического маршрута, кто-то из аспирантов спросил у Бориса Павловича:

— Откуда Вы так досконально знаете флору? — на что тот с известной лукавой и одновременно какой-то смущенной усмешкой ответил:

— Я собирал гербарий, когда еще ездил на пулеметной танке...

И надо было видеть (в наш-то одурманенный заморскими безделушками век!), каким было изумление таможенников, когда они в объемистой клади профессора Колесникова, возвращающегося из очередной зарубежной поездки, вместо привычных предметов ширпотреба обнаруживали пухлые папки... того же гербария...

нем названы некоторые виды растений...

Казалось бы, одних этих ботанических увлечений, сложившихся, кстати, не без влияния его маститого учителя В.А. Комарова (1869-1945), вполне достаточно, чтобы заполнить ими всю жизнь. Но не таков был Б.П. Колесников.

Как и многие отечественные лесоведы, Борис Павлович до конца своих дней оставался под могучим гипнозом идей «Учения о лесе» Г.Ф. Морозова (1867-1920). На Дальнем Востоке и на раннем этапе его научного становления этому способствовало, по-видимому, и общение с проф. Б.А. Иващевым (1889-1936). Во всяком случае, широкому обоснованию фундаментального тезиса Морозова, что лес есть явление не только биологическое, но также историческое, географическое, экономическое и социальное, Колесников не без успеха посвятил подавляющую часть своих творческих усилий.

Монография «Кедровые леса Дальнего Востока» (1956) принесла Борису Павловичу докторскую степень, академическую премию и мировую известность. Но мало кто знает, что в рукописном фонде бывшего Коми филиала АН СССР с 1941 г. хранится его рукопись «Кедр в Коми АССР». Более 250 страниц машинописи (без приложений) занимает и рукопись «Лесная растительность юго-восточной части бассейна р. Вычегды по наблюдениям на правом берегу р. Нем и междуречья р. Нем и Лопь-Ю» (1941) — отчет о полевых работах лесотипологического отряда Вычегодской лесохозяйственной экспедиционной партии СБ АН СССР летом 1940 г. Надо полагать, что этот материал тогда уже вполне зрелого специалиста (кандидата наук и автора монографии) окажется чрезвычайно полезным именно сейчас, т.е. спустя полвека, когда «парма», как здесь называют тайгу, вступила в полосу бурных техногенных преобразований. Ведь в конце-то концов, мы неплохо ориентируемся в настоящем, нам неизбежно придется изведать будущее, но из прошлого до нас долетают неопределимые сигналы тревоги, без которых невозможно пред-

видеть дальнейшее развитие событий.

На добрую зависть всем прочим счастлива судьба лесоводов: дела их рук живут, а результаты исследований служат обществу веками, подчиняясь неторопливому и величавому ритму единого лесообразовательного процесса. Только на этом грандиозном фоне и можно оценить в должной мере красоту и мощь принципов генетической классификации типов леса, которые проповедовал Б.П. Колесников, находясь в зените своей творческой активности.

Здесь не место разъяснять суть этой широко известной научной концепции, да оно и делается десятками его учеников и сотнями учеников последних. Уместно лишь заме-

В этих обстоятельствах и на всем этом удручающем фоне Колесников принял единственно правильное и граждански мужественное решение, организовав и возглавив Комиссию по охране природы УФАИ СССР. Нельзя забывать, что в те времена природу еще официально было принято «покорять», а экологию сплошь и рядом путали с онкологией и гинекологией... Широкую поддержку Борис Павлович оказал постановке и разработке проблем промышленной ботаники или индустриальной экологии. Будучи ректором УрГУ, Колесников руководил лабораторией лесоведения ИЭРиЖ, а в университете организовал и возглавил кафедру биогеоценологии и охраны природы. В настоящее время осуществле-

«нейтронно-атомную»... Вы безусловно правы, что для экологии (общей) наступают «интересные времена». Но думаю, что для Вашего и следующего за ним поколений они будут еще и невероятно ответственными (подчеркнуто Б.П.). Именно этим поколениям предстоит создавать «ноосферу» и определять эволюционное будущее Человечества. Куда-то Вы направите это будущее и каков будет сам человек?»

Как видим, Борис Павлович постоянно и упорно размышлял о перспективах, и эти размышления были достаточно конструктивны. Весьма характерно и его последнее письмо (мне, но сколько их еще было?), писанное за три недели до кончины: «В принципе я мо-

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ ОПТИМИЗМА

тять, что структурно-функциональная организация лесного массива в этой концепции не является чем-то раз и навсегда заданным и неизменным, а проходит через ряд научно предсказуемых состояний (этапов), зависящих от биологических свойств лесообразующей древесной породы, физико-географических условий и мер техногенного воздействия. Отсюда ясно и то, что, где бы он ни находился, Борис Павлович уделял огромное внимание вопросам физико-географического, лесорастительного, лесохозяйственного, лесозащитного и всякого прочего районирования обширных территорий, обосновывая при этом необходимость всестороннего кадастра земель и коммерческой оценки природных ресурсов.

Нет особой нужды комментировать и широту географических представлений Б.П. Колесникова. Дальний Восток в этом смысле дал ему великолепную школу, и она подчас обнаруживала себя самым неожиданным образом. Например, на все наши сетования по поводу совершенно «несуразной погоды» на западном макросклоне Северного и Приполярного Урала Борис Павлович как-то даже уж слишком буднично заметил, что ведь климат там, как и в Приморском крае, практически муссонный... И где, в каком учебнике или справочнике в ту пору именно эту фундаментальную особенность данного региона можно было уяснить?

Обосновавшись с 1956 г. на Урале, Борис Павлович нашел здесь то, что мы, в принципе, имеем и сегодня: чудовищную концентрацию тяжелой и горнодобывающей промышленности, напрочь урбанизированные ландшафты, варварское отношение к природным и людским ресурсам; короче, трехвековую усталость «опорного края державы».

на и заветнейшая мечта Бориса Павловича: основан и исправно функционирует Институт леса УрО РАН.

Разумеется, всех этих и многих прочих научно-административных и общественных обязанностей было бы вполне достаточно, чтобы навсегда отвлечь Бориса Павловича от поисковой исследовательской работы (тому же немало способствовало и избрание его членом-корреспондентом АН СССР), но он снова и вновь организует полевые стационары и комплексные экспедиции, а главное — не без начального скептицизма и стало быть тем более надежно снова и вновь увлекается подчас даже весьма «фантастическими» научными и техническими идеями...

Например, еще в начале 60-х годов Колесников очень спокойно высказывал мысль о возможности привлечения (и непременно водоводами!) части стока рек Тавды и, в перспективе, Северной Сосьвы для водоснабжения г. Свердловска... В устах эколога, да еще сейчас, т.е. «под занавес» победоносной общественной кампании против «проекта века», эта мысль звучит несколько еретически. Но что дальше-то? А вот что писал Борис Павлович в письме от 28.08... г.: «Если человечество не образумится и не сократит темпы развития «производительных сил» — переброска вод с севера из Субарктики и Арктики в плотнонаселенные промышленные районы рано или поздно окажется абсолютно неизбежной мерой... Тем более, что так называемая «ноосфера» будет не только «сферой разума», но и сферой «неорельефа» и «неорастительности», которые лишь отдаленно будут напоминать нынешние, полученные нами в наследство от эпохи четвероногих предков. Конечно, совсем по-иному будет выглядеть биосфера, если человечество, ополоумев, развяжет

гу согласиться с Вами, но по поводу названия новой отрасли знаний готов поспорить. Думаю, что рождается нечто более широкое и глубокое по содержанию и целям — палеоэкология. На худой конец — палеобиоценология, как составная часть учения об эволюции биосферы. Иначе говоря, эту новую отрасль следует считать не в составе ботаники и биологии вообще, а по комплексу наук о биосфере, вместе с эволюционными отделами океанологии, почвоведения, ландшафтоведения и т.п. А в общем: поживем — увидим!» Увы, смотреть еще пока, прямо скажем, нечего...

Меньше всего мне хотелось бы канонизировать образ Бориса Павловича. В том-то и дело, что он типичен для уникальной общественной прослойки людей, чудом сохранившихся и передававших дальше поистине блестящие традиции злополучной русской научной интеллигенции. Перечитаем замечательный рассказ А.И. Куприна «Черная молния». Там есть и такие строки: «Право, только среди чинов лесного корпуса, в этом распробавшем из всех забытых ведомств, да еще среди земских врачей (кстати, отец Б.П. Колесникова был военным врачом — В.П.), загнивших, как почтовые клячи, мне и приходилось встречать этих чудаков, фанатиков дела и бессребреников». Художественный портрет лесничего Турченко с его активной природоохранной и гражданской позицией, на мой взгляд, вполне отвечает и духовному облику Б.П. Колесникова. И можно только негодовать и удивляться, насколько усугубилась ситуация со временем Куприна.

Любопытны даже чисто практические рассуждения Бориса Павловича, например, по поводу так называемых «общественных нагрузок»: «А я не жду, когда мне дадут общественное или партийное пору-

50 лет Институту экологии растений и животных

чение. Я беру его заблаговременно сам. Ведь тогда, по крайней мере, есть возможность выбрать дело, которое знаешь и которое по душе». Вероятно, сам себе он при этом казался «ужасно хитрым», но почему-то дело оказывалось, как правило, весьма сложным, ответственным, да еще и неблагодарным...

На протяжении своих последних 10 лет Борис Павлович был активным членом редколлегии журнала «Экология» (как и журнала «Лесоведение»), а также многих соответствующих ученых советов, комитетов и комиссий. Это был период, когда экология отчаянно боролась за общественное признание и постепенно становилась поистине «совестью эпохи». И вот уже сонмы кандидатов в народные депутаты всех уровней клянутся в своей верности проблемам экологии и столь же решительно в дальнейшем ими пренебрегают... Но все-таки хочется верить, что оживут и заиграют новыми красками великолепные идеи наших незабвенных Учителей, каким был видный российский эколог, ботаник, географ и лесовед, крупный организатор отечественной науки на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале и в Крыму, рыцарь дела охраны природы, благородный и мужественный гражданин, и просто добрый, надежный и мудрый человек — Борис Павлович Колесников.

Возвращаясь к преамбуле этого сообщения, следует подчеркнуть, что на Совете не были упущены из вида славные имена и двух других основоположников нашего института: С.С.Шварца (1919-1976) и Н.В.Тимофеева-Ресовского (1900-1980). Резюмируя все сказанное о Б.П.Колесникове и распространяя это на всех «трех китов», уместно напомнить, что они передавали, насаждали и завещали нам, по крайней мере, четыре фундаментальных традиции:

1. Широкий и конструктивный демократизм.

2. Не равнодушно-снисходительное, а откровенно уважительное и покровительственное отношение к поисковым научным разработкам и новым идеям.

3. Воинствующее отрицание всех и всяческих, как правило, фальшивых границ, барьеров и рогаток между отдельными научными дисциплинами органически единого и целостного естествознания.

4. Активнейшее увлечение научной пропагандой.

И пока не прерывается связь времен и сохраняются хотя бы проблески упомянутых традиций, остаются и предпосылки для осторожного, но неистребимого оптимизма.

В.ПЛОТНИКОВ,

**старший научный сотрудник
Института экологии
растений и животных УрО
РАН, кандидат биологических наук**

г.Миасс